

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu7.2017.1.7>

УДК 316.334.54

ББК 60.546.21

ДЕУРБАНИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: ПРИРОДА, СПЕЦИФИКА, РИСКИ

Александр Леонидович Стризов

Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии,
Волгоградский государственный университет
strizoe@yandex.ru, socpol@volsu.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается деурбанизация как проявление противоречивой природы процесса урбанизации. В отличие от большинства трактовок деурбанизации как процесса, имеющего только количественные характеристики (рост числа мигрантов из города в деревню), автор предлагает понимать под деурбанизацией качественные изменения в городской среде, деградацию институтов городской инфраструктуры и городского образа жизни. Показаны проявления и риски деурбанизации, вызванные экологическими проблемами, противоречиями модернизации, процессами глобализации. В статье выделены ресурсные, субъектные и коммуникативные факторы возникновения рисков деурбанизации. Обоснована взаимосвязь качества городской среды с моделью реализуемой в обществе социальной политики, с развитием гражданской самоорганизации и самоуправления. Отмечено, что становление экономики и общества, основанных на знаниях, несовместимо с деградацией городской инфраструктуры большинства российских мегаполисов.

Ключевые слова: урбанизация, рурализация, деурбанизация, модернизация, глобализация, социальные трансформации, риски.

В современной социальной теории город как форма расселения, специфическая общность, пространство коммуникации достаточно хорошо изучен. То же самое можно сказать и о процессе урбанизации, как следствии развития капитализма, индустриализации, модернизации культуры и образа жизни. Многомерность всех социальных проявлений городской жизни, единство и переплетение в них утилитарных, властно-экономических, цивилизационно-технологических и социокультурных аспектов сегодня все более очевидны. Многовекторность характерна и для процессов эволюции городской среды: сама урбанизация протекает в различных формах, приводя к параллельному сосуществованию мегаполисов постиндустриальной эпохи, городских агломе-

раций классического индустриального типа, относительно автономных средних и малых городов, в которых городской уклад неразрывно переплетается с сельским.

Вместе с тем многообразие вариантов постиндустриальной трансформации и модернизации далеко не всегда связано с расцветом городов, ростом и разнообразием их влияния на окружающее социокультурное пространство, гармонизацией отношений городских и сельских форм расселения, систем ценностей и образов жизни. С точки зрения макроисторической эволюции общества было бы логично предположить, что технико-технологический и экономический прогресс, вызвавший к жизни урбанизацию, приведет к возникновению противоположной тенденции, которую

можно было бы назвать деурбанизацией (дезурбанизацией).

В контексте этого возникают и вопросы о том, каковы перспективы развития современных мегаполисов, что придет им на смену, как будут выглядеть новые формы расселения. Именно в этом аспекте, как отмечают Н.Е. Покровский и А.М. Полякова, процессы дезурбанизации зачастую рассматриваются в западной социологии. В этих случаях «речь идет не о неоархаическом и демодернизационном повороте к буколической цивилизации, не о возвратной редукции городского к сельскому, а о трансформации города в некие постурбанистические формы, во многом снимающие... дихотомию» города и села [6, с. 62]. Показательно, что при всем разнообразии ракурсов рассмотрения дезурбанизация трактуется сугубо количественно, зачастую отождествляется с «миграцией в сельскую местность с полным или частичным изменением образа жизни и соответствующим принятием сельской (или квазисельской) модели освоения социального пространства и времени» [6, с. 62]. Завершая раздел о дезурбанизации, указанные авторы фиксируют более широкий по содержанию общий итог, выводящий ее за пределы села, но по-прежнему указывающий на ее сугубо количественное истолкование: «Итак, дезурбанизация имеет два измерения: (а) разрастание пригородной зоны поселений и (б) обратная миграция в сельские районы как осознанный решительный выбор» [6, с. 62].

В данной статье представлен иной, – качественный подход к пониманию деурбанизации. Сегодня очевидно, что осуществление реформ в современных обществах, в том числе и в российском, предполагает наличие нескольких центров, задающих тон и темп переменам. Инновации, концентрируясь в одних городах, обходят стороной другие, вызывая их упадок. Деградация городской среды и связанное с этим снижение роли городов как центров управления, технологического и культурного прогресса могут быть связаны и с иными факторами: стихийными миграционными процессами, экономическими кризисами, ошибками в социально-экономической политике, экологическими проблемами. Многообразная в своих проявлениях деградация совре-

менной городской среды означает изменение качества складывающихся в ней социальных связей и отношений, дисфункцию институтов, формирующих и поддерживающих городской образ жизни, эрозию культурно-символического пространства коммуникаций и связанных с ним традиций и привычек повседневности. Именно эти социальные процессы лежат в основе видимых количественных проявлений изменения численности населения, его оттока в развивающиеся и потому перспективные города. Негативные изменения в социальной среде вызывают деградацию пространственно-архитектурной среды городов, упадок инфраструктуры, интеллектуальной и культурной жизни. Можно сказать, что деурбанизация как процесс социальной деградации городской среды представляет собой не только многообразное по формам проявления, но и многоуровневое, часто латентно протекающее явление. В ходе его развертывания происходит постепенное замещение утилитарной (технологически-бытовой) и неутилитарной (социокультурной) городской среды квазигородской, поселковой, деревенско-слободской, что дает право исследователям говорить не только о деурбанизации (дезурбанизации), но и о рурализации городов [2, с. 68, 73].

Современная деурбанизация может быть рассмотрена с различных позиций: как антипод урбанизации и оборотная сторона рурализации; как негативный результат прогресса, его социальная цена; как феномен культуры, градостроительства, миграционной или экономической политики. В данном случае мы пытаемся выявить связь деурбанизации с процессами модернизации российского общества, изменениями его норм, институтов и отношений как результатами стечения обстоятельств и сознательного выбора людей. Специфика современной российской деурбанизации в том, что она все чаще обуславливается не только стихийными, чаще всего демографическими процессами, но и заранее подготовленными управленческими решениями корпораций и властей разного уровня. Важно, что и в том, и в другом случае деурбанизация связывается с неопределенностью, а значит и с рисками непредсказуемого развития спонтанно возникших или рукотворных ситуаций. Сегодня очевидно, что сами эти ситуации не могут быть

рассмотрены изолировано, вне определенного социального контекста.

Этот контекст может быть описан понятиями системно синергетического дискурса. Социологический анализ рисков, построенный на основе исследования субъектно-объектных и субъектно-субъектных отношений, не может не учитывать, что действующие субъекты экономики и политики утверждают себя и в автономном социальном пространстве города, и в обществе в целом как в специфических локусах (средах) взаимодействия. В свою очередь, эти среды оказывают обратное воздействие на субъектов, их цели, средства и стратегии действия. Аналогичным образом город, как общность жителей, как коллективный институционализированный субъект, может быть рассмотрен в его отношениях с окружающей природной и социокультурной средой. Своеобразие возникающего здесь рискогенного социального контекста связано, с одной стороны, с несоответствиями системы и среды, с другой – с воздействием на субъектов хаоса социального окружения, спонтанно возникающих в нем аттракторов, попаданием субъектов в точки бифуркации, связанные с изменением как векторов собственной активности, так и направлений эволюции среды.

Отношения обмена ресурсами и деятельностью среды и субъекта, обеспечивающие функционирование и развитие такой сложной неравновесной целостности как город, сегодня приобретают особую актуальность, по меньшей мере, в двух аспектах. Первый, экологический аспект, представленный в работах О.Н. Яницкого как метаболическая концепция города [11], подчеркивает важность сохранения равновесия обменных процессов среды и субъекта, обеспечения непрерывности воспроизводства условий существования, баланса устойчивости и изменчивости, использования всех возможных каналов взаимодействия среды и субъекта для блага последнего. В этом случае деурбанизация возникает как выражение деструктивного воздействия среды, как следствие давления исходящих из нее экологических, технологических нормативно-управленческих импульсов. Примеры этого нам дают моногорода советской эпохи. Минимизация риска, сужение пространства неопреде-

ленности здесь может быть достигнуто либо через эволюционное совершенствование среды, либо посредством императивно-волевой оптимизации действий культурной и управленческой элиты, ее социально-экологической стратегии.

Второй, трансформационный аспект, выявляется в современных исследованиях, посвященных логике разветвления и судьбам процессов модернизации и глобализации всего общества и его отдельных сфер. Как было показано в работах Н.Е. Тихоновой, результаты институциональных перестроек напрямую связаны с наличием в обществе социокультурной среды, комплиментарной инновациям, стимулирующей и поддерживающей их [9; 10]. Город выступает здесь источником активности, центром генерации новых идей, технологий, форм жизнедеятельности. В таком контексте деурбанизация может быть следствием объективной неспособности города быть центром реализации модернизационных проектов, импульсом инновационных изменений, следствием отсутствия в городской среде субъектов, обладающих необходимым социальным и культурным капиталом. Применительно к городам советской эпохи такая форма деурбанизации могла быть обусловлена тем, что, по мнению некоторых исследователей, им было присуще разделение на «монументальный» и «минимальный» город [2, с. 67]. Если первый был официальным олицетворением власти, ее побед и свершений, то второй создавался исходя из минимизации потребностей человека, а его социальная инфраструктура обеспечивалась «по остаточному принципу», была неспособна к совершенствованию, быстро устаревала и входила в «период полураспада». Любопытно, что и «монументальный», и «минимальный» город, хотя и по разным причинам, были одинаково неспособны к инновациям. Первый – в силу своей нацеленности на прославление и закрепление достигнутого, его догматизацию, второй – в силу скудости условий жизни, обеспечивавших выживание и приспособление, но не саморазвитие большинства горожан.

Можно указать и на другой, более близкий к современности сценарий, ведущий к деурбанизации, когда реализуемый в городах модернизационный проект настолько опережа-

ет уровень развития и объективные потребности социокультурного окружения, что локализуется лишь в небольшой части городской среды и (или) существует за счет «высасывания» всех возможных человеческих и материальных ресурсов из этого самого окружения. В итоге образовавшийся разрыв между точками роста, с одной стороны, и городской периферией и ее сельским окружением, с другой, ведет в конце концов к деградации как села, так и значительной части периферийной городской среды. Многочисленные примеры своеобразной «рурализации» новых микрорайонов можно было наблюдать в молодых городах 70–80-х годов. В результате реформ 90-х гг. возник и сохраняется поныне резкий контраст между «рекламным» образом жизни деловых и торгово-развлекательных центров и растущей «геттоизацией» прочих городских территорий. В обоих рассмотренных нами случаях эти проявления деурбанизации символизируют победу традиционной, доиндустриальной социокультурной среды над точками модернизационного роста.

Теории глобализации обращают наше внимание на риски, возникающие в пространстве соотнесения глобальных и локальных процессов разной природы и направленности. Именно здесь разворачивается одна из интересующих нас коллизий. Как пишет О.В. Аксенова, локальный взгляд и развиваемый исходя из него подход видит город как уникальное социокультурное сообщество и его реакцию на происходящие глобальные изменения. С другой стороны, позиция наблюдателя глобальных процессов видит город как обезличенную часть унифицированного потока планетарных (универсальных) изменений [1, с. 122–123]. Деурбанизация в данном контексте означает неспособность локального городского сообщества встроиться в глобальные процессы, освоить инновации, предлагаемые обстоятельствами пространства и времени, новые цели развития и функции городской среды, сохранив свою локально-историческую специфику. Рассогласование глобального и локального может проявиться также в распространении и доминировании под действием глобальных структурных изменений депрессивных сценариев развития городской среды, связанных с превращением прежних промышлен-

ных или административных центров в «сервисные» города, неспособностью осуществить перестройку социальной сферы, программы «джентрификации» пришедших в упадок индустриальных зон.

Рассмотрение экологического и трансформационного аспектов жизни городских сообществ и окружающей их среды позволяет выявить несколько факторов риска деурбанизации. Первый из них связан с объективно сложившимся дефицитом производственных, инфраструктурных и социальных ресурсов, необходимых для формирования и поддержания устойчивого (непрерывного) функционирования внутригородской и окружающей город среды. Такого рода дефицит свидетельствует о нерешенных или неудачно решенных в прошлом проблемах цивилизационного и социокультурного развития всего общества. Для ликвидации этого отставания обычно необходим достаточно длительный (несколько десятилетий) период. Он предполагает не только и не столько накопление материальных и финансовых ресурсов или создание и налаживание функционирования системы норм и институтов, обеспечивающих универсальный характер коммуникации в городской среде, распространение цивилизованных, исключающих произвол, механизмов разрешения конфликтов. Этот период необходим для формирования в обществе новых социальных субъектов репродуктивной и креативной деятельности с новым социальным опытом и традициями поведения. Решить подобные задачи можно лишь посредством смены поколений, смены нескольких волн кадрового обновления социальных институтов.

Таким образом, цивилизационные риски деурбанизации являются рисками долговременного действия, а значит, деструктивные тенденции городского развития будут постоянно присутствовать в скрытой форме, рецидивировав в кризисные моменты жизни общества. Это предъявляет постоянно возрастающие требования к структурам региональной и муниципальной власти и управления, системам отбора должностных лиц, их не только профессиональной, но и общекультурной компетентности, личностным качествам, от чего в немалой мере зависит готовность к действиям в нестандартных ситуациях.

Второй фактор риска имеет субъективную природу: он определяется состоянием и свойствами элит и лидеров локальных (городских и региональных) сообществ, принимающих решения в области оперативного и стратегического управления. С деятельностью элит и лидеров связана реализация проектов модернизации конкретных сообществ и территорий, их включения в интеграционные процессы регионального и глобального характера. Успешное осуществление подобных проектов предполагает достижение и поддержание компромисса интересов элиты и основной массы населения, включенной в воспроизводство необходимой для городов социокультурной среды. Способность элит и лидеров к реализации такого, в большей или меньшей мере социально ориентированного, сценария модернизации или транснациональной интеграции связана со степенью и характером самоорганизации элиты, ее отношением к проблеме монополии на власть, доходы, собственность, с общей политической зрелостью.

Важнейшим показателем и условием такой зрелости является не только готовность делиться влиянием и ресурсами, но и формирование у субъектов власти и управления, а также у элиты в целом, стиля руководства и принятия решений, адекватного сложности современного общества. В основе такого стиля, как представляется, лежит рефлексивно-критическое, вариативное, гуманистически ориентированное мышление, способность видеть и чувствовать перспективы протекающих в обществе процессов, осознавать и принимать на себя социальную ответственность. Деурбанизация выступает индикатором отсутствия такого макросоциального компромисса, равно как и стратегии его достижения. Она является следствием накопления дисбалансов и противоречий развития городской среды, запаздывания с принятием решений, стихийным, в значительной мере неконтролируемым развитием событий.

Третий фактор, продуцирующий и усиливающий риски деурбанизации, связан с неспособностью создать соответствующую городской среде систему коммуникации, обеспечивающую процесс управления и самоуправления в городских сообществах. В жизни современных городских сообществ коммуникация часто рас-

сматривается исключительно как порождение научно-технической и информационной революции. Между тем потребность в свободной циркуляции информации, в максимально возможном расширении социальных контактов, постепенном демонтаже корпоративных рамок социального бытия коренится в самом существе городского образа жизни, обусловлена спецификой города как формы поселения. Эта потребность формировалась и развивалась по мере совершенствования технологий и организации производства, торговли и услуг, центрами которых становились города, накопления знаний и роста уровня образования их жителей. Важно подчеркнуть, что параллельно с информационной свободой шло становление и развитие городской самоорганизации и самоуправления. Итогом этого развития стало закрепление за городами, по крайней мере, в культуре Европы, Западной Белоруссии и Правобережной Украины права на особый режим управления (Магдебургского права).

В свете этого современная ситуация, когда известная свобода информации не дополняется демократическими формами участия большинства городского населения, представительства его интересов и контролируемого большинством процесса принятия решений, неизбежно ведет к деградации городской среды. Распадение городских сообществ на локальные территориально-производственные образования, рост их обособленности и замыкание в круге корпоративных интересов разрушают город как среду непрерывно осуществляющейся, универсальной и демократической коммуникации. В отсутствие внешнего демократического контроля со стороны рядовых городских жителей и коррупционном поражении механизмов внутреннего контроля (например, правоохранительных органов) внутри городской элиты, максимально насыщенной активными и амбициозными обладателями разного рода ресурсов, неизбежно возникают многочисленные соблазны подменить общественный интерес личным и групповым, создать в городах относительно закрытые территории с особым режимом доступа. Развитие процессов информатизации создает условия для того, чтобы естественное возвышение потребностей, актуализирующее потребность в участии, приводило к спонтанной самоорганизации городских сообществ при

помощи социальных сетей. Поскольку специфика интернет-коммуникации допускает подбор круга общения исключительно из среды единомышленников, то значительное число виртуальных сообществ тяготеет к замкнутости, что также может быть использовано заинтересованными группами элит для фрагментации и дезинтеграции городского социального пространства. Таким образом, коммуникативный риск деурбанизации может быть обусловлен либо деградацией функционирования институтов (режима) городского управления, имитацией и «виртуализацией» реальной демократии, либо использованием стихийно проявляющейся массовой потребности в активном участии в частных, часто эгоистических интересах, ослабляющих социальные позиции урбанизированного сообщества в целом.

Как видим, риски деурбанизации напрямую обусловлены характером и направленностью осуществляемой в обществе политики, избранной моделью проведения социальных трансформаций. Как показали И.М. Бусыгина и М.Г. Филиппов, конкурентоспособность российских регионов и региональных центров связаны с политическим режимом общества и доминирующим стилем управления [3, с. 8–9]. Авторитарный режим «ограниченной политической конкуренции» и тяготеющий к нему по своим ценностным ориентирам и императивам стиль «ручного управления» в российских условиях повышают степень субъективизма принимаемых решений, что снижает инвестиционную привлекательность территорий, а в перспективе приводит к нарушению целостности управляемых систем, росту непредсказуемости их развития. Все это создает среду, повышающую риск деурбанизации. Исследователи отмечают, что даже «открытость страны для внешних инвестиций в сочетании с низким качеством управления будет способствовать еще большему усилению территориальной неравномерности... “Успешных регионов”, уверенно эксплуатирующих свои преимущества, будет крайне мало» [3, с. 7]. Как видим, успех развития отдельных территорий, а значит и локальных городских общностей, зависит не только от наличия ресурсов, но и от способности их грамотно использовать.

Подчеркнем, что применительно к городу качество управления означает способность

и готовность развернуть и поддерживать эффективное функционирование сетей демократического участия населения в принятии решений. В контексте российских условий, помимо общих теоретических соображений, этот тезис можно аргументировать еще и тем, что по уровню готовности к публичному обсуждению социальных проблем, способности и желанию разделить с властью ответственность за принятие решений и их выполнение, российское общество готово к освоению ценностей демократии не столько на макросоциальном (общенациональном), сколько на муниципальном (коммунальном) уровне.

Сырьевая ориентация экономики, ставшая устойчивой характеристикой российской стратегии модернизации, предполагает освоение малозаселенных и неурбанизированных территорий, оставляя без развития районы с высокой долей городского населения. Либеральная модель экономической политики предполагает минимизацию вложений в реальный сектор экономики, науку, культуру, социальную инфраструктуру, традиционно связанные с крупными городами. В результате этого на российском поселенческом ландшафте помимо столичных мегаполисов выделяются «столицы» сырьевых монополий, в которых создана и функционирует современная и достаточно комфортная для населения городская среда. В то же время другие, не менее важные с точки зрения развития национальной экономики центры не получают поддержки и финансирования, довольствуясь полуразрушенной средой ЖКХ, сокращающейся сетью общественного транспорта, практическим отсутствием дорожного хозяйства, не говоря уже о строительстве.

Еще одним феноменом деурбанизации является судьба малых городов, которые в свое время были объектами внимания сырьевых компаний или финансово-промышленных групп российского масштаба, а теперь потеряли для них ценность ввиду истощения запасов природных ресурсов, изменения стратегических интересов или конъюнктуры рынка. Лишившись финансовой поддержки, социальная и коммунальная инфраструктура таких городов быстро разрушается, подстегивая, наряду с выросшей безработицей, отток населения, запустение и деградацию городских территорий.

Апология неравенства и элитарности отдает предпочтение, помимо районов непосредственного ведения добычи, приоритетам развития столичных мегаполисов и связанных с ними территорий: Подмоскovie, пригородам Санкт-Петербурга, Черноморскому побережью Краснодарского края и другим зонам отдыха жителей обеих столиц. Любопытно, что и упоминаемые нами выше исследования связи инвестиций с качеством управления дают сходную картину наиболее конкурентоспособных регионов: Москва (и Московская область), так называемые ресурсные и приграничные регионы [3, с. 7]. Показательно, что из числа приоритетных территорий выпали все российские мегаполисы, за исключением обеих столиц. Такое невнимание к городам-миллионникам и выросшим вокруг них агломерациям может иметь далеко идущие последствия: отставание в развитии городской инфраструктуры грозит обернуться не просто функциональными сбоями, но и масштабными чрезвычайными ситуациями и техногенными катастрофами, могущими привести к росту социальной напряженности, обострению дремлющих в мегаполисах конфликтов. Важно то, что любые проявления деградации городской среды мегаполисов сказываются на выполнении ими всего комплекса цивилизационных и общекультурных функций, присущих большим городам, на способности мегаполисов быть центрами модернизационного развития, транслировать и адаптировать социальные инновации, имеющие глобальную природу. Аналогичным образом деурбанизация малых и средних городов делает невозможным ускорение современной технологической модернизации села и связанного с ним аграрного сектора экономики.

Еще одним фактором деурбанизации, органически связанным с реализуемой властвующей элитой стратегией социальной трансформации, является явно или неявно декларируемый ею принцип построения социальной политики, противопоставляющий и сталкивающий интересы различных слоев и групп. С одной стороны, власть способствует опережающему развитию потребностей молодежи, «креативного класса», жителей обеих столиц, предлагая им практику широкомасштабного социального сотрудничества, с другой – в городах российской провин-

ции по отношению к бюджетникам и пенсионерам налицо рудиментарный подход к социальной сфере, остаточный принцип ее финансирования, имеющий целью откупиться от некоторых, наиболее активных из потребителей социальных услуг, предложив другим модель отношений социального патроната. Первый сценарий социальной политики оставляет достаточно широкий простор для самоорганизации снизу, различных проявлений общественной инициативы и активности, традиционно присущих городской среде. Лежащая в основе социального сотрудничества идея договора, контракта равных сторон является антиподом патриархальной иерархии патрон – клиент, широко распространенной в до- и раннеиндустриальных обществах, а также присущим им отношениям сословно-корпоративной и общинной замкнутости.

Социальная сфера оказывается еще и ареной столкновения противоположных моделей регулирования отношений людей. Правовая деперсонализация различных проявлений повседневных практик воспроизводства человека, равно как и традиции обезличивания массовой культуры, присущие жизни больших городов, далеко не всегда уживаются с отношениями личной зависимости в малых городских сообществах, кланах и корпорациях. Присущие им этика личной верности, преданности, служения характерны для слободского, общинно-сельского образа жизни, теневого и даже криминальных социальных практик. Не случайно одним из проявлений деурбанизации является не только снижение статуса интеллектуальной элиты, ее ценностных стандартов, норм и образцов бытового поведения, но и активное вытеснение интеллигентской культуры и даже протокольно-делового этикета и публичной вежливости обычаями и привычками маргинальных слоев или стилизующейся под них публики, а также улично-дворовыми стандартами общения и поведения.

Среди актуальных в последние десятилетия тенденций, способных продуцировать и усиливать деурбанизацию, следует выделить и характер связи осуществляемого в обществе сценария социальной трансформации с развитием науки, с современными социальными институтами, производящими, распространяющими и внедряющими новое знание в производство, сферу услуг, в повседневную жизнь

общества. В зависимости от характера включенности в глобальные научно-технологические процессы А.И. Ракитов выделяет несколько типов обществ, имеющих принципиально разные шансы на обновление и связанные с ними социокультурные перспективы [8, с. 91]. По нашему мнению, два из них – общества, живущие за счет импортируемых современных технологий и эксплуатирующие свои природные ресурсы, а также общества, зависимые от импорта техники и добычи природных ресурсов, – имеют повышенные риски деурбанизации. Часто сообщества подобного типа переживают кризис и иных сфер культурно-символического производства (мировоззренческой, художественной), что также сказывается на развитии городов, их социальной роли и культурной миссии. Это объясняет неутешительный вывод, к которому приходят исследователи российских мегаполисов: все они, за исключением Москвы и Санкт-Петербурга, не могут стать центрами концентрации качественных человеческих ресурсов, их умножения и развития. Даже мегаполисы «не имеют необходимых преимуществ в виде более высокого уровня жизни и качества населения, которые бы обеспечивали необходимую “разность потенциалов” и привлекали внешних мигрантов» [4, с. 18].

Тот факт, что современное духовное производство требует развитой инфраструктуры (музей, архивы, заповедники, иные хранилища информации, производство оборудования и материалов, реставрация и реконструкция и прочее) – делает невозможным его существование вне урбанизированных территорий, хотя и не всегда в крупных городах. С наличием высокоразвитых урбанизированных пространств связана реализация одной из важнейших характеристик современного общества как «общества знания» – включение России в глобальные инновационные цепочки и создание конкурентоспособных условий (инвестиционных, инфраструктурных, кадровых) для «реализации заключительных стадий процесса нововведения на российской территории» [5, с. 61]. Развитие современной науки и культуры, их усложнение, плюрализация и растущая взаимосвязь, равно как и совершенствование сфер социальных услуг, рекреации, об-

разования и здравоохранения, свидетельствуют, что воспроизводство человека, способного адаптироваться к разнообразным социальным изменениям и в то же время сохраняющего способность к самосовершенствованию, вряд ли возможно без урбанизации – в большей или меньшей мере – окружающей его среды.

Указание на меру урбанизации подчеркивает тот факт, что, как и все общества, достаточно далеко продвинувшиеся по пути индустриальной модернизации, Россия вступила в стадию «интегрированного расселения», с сохранением своеобразия и динамики развития города и села [7, с. 31]. Устойчивость их противоречивого сосуществования, по точной и глубокой характеристике В.В. Пациорковского, «отражает двойственную структуру человека и всей его предметной деятельности», соединение интенций к жизни и власти, к повседневному и возвышенному [7, с. 30]. Вот почему гармонизация взаимодействия сложившихся в истории цивилизации форм расселения, предполагающая сохранение и взаимодополнение лучшего в образе жизни и традициях города и села, означает, вместе с тем, противодействие деурбанизации не только как выражению примитивизации и вульгаризации городской культуры, но и как форме дегуманизации человеческих отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксенова, О. В. Концептуализация локального в западной социологии / О. В. Аксенова // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2014. – № 4. – С. 111–125.
2. Бон Томас, М. «Социалистический город» или «европейский город»: урбанизация и рурализация в Восточной Европе / М. Бон Томас // Российская история. – 2009. – № 1. – С. 65–76.
3. Бусыгина, И. М. Конкурентоспособность российских регионов: хорошие институты или хорошая география? / И. М. Бусыгина, М. Г. Филиппов // Общественные науки и современность. – 2013. – № 6. – С. 5–14.
4. Зубаревич, Н. В. Города как центры модернизации экономики и человеческого капитала / Н. В. Зубаревич // Общественные науки и современность. – 2010. – № 5. – С. 5–19.

5. Лебедев, С. А. Праксиология науки / С. А. Лебедев // Вопросы философии. – 2012. – № 4. – С. 52–63.

6. Нефедова, Т. Г. Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности / Т. Г. Нефедова, Н. Е. Покровский, А. И. Трейвиш // Социологические исследования. – 2015. – № 12. – С. 60–69.

7. Пащиорковский, В. В. Социология расселения как специальная социологическая теория / В. В. Пащиорковский // Социологические исследования. – 2012. – № 4. – С. 25–34.

8. Ракитов, А. И. Регулятивный мир: знание и общество, основанное на знаниях / А. И. Ракитов // Вопросы философии. – 2005. – № 5. – С. 82–94.

9. Тихонова, Н. Е. Динамика социокультурной модернизации в России / Н. Е. Тихонова // Социологическая наука и социальная практика. – 2013. – № 1. – С. 24–34.

10. Тихонова, Н. Е. Социокультурная модернизация в России: динамика и перспективы / Н. Е. Тихонова // Россия реформирующаяся. Вып. 11 : Ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. – М. : Новый хронограф, 2012. – С. 62–81.

11. Яницкий, О. Н. Метаболическая концепция современного города / О. Н. Яницкий // Социологическая наука и социальная практика. – 2013. – № 3. – С. 16–31.

REFERENCES

1. Aksenova O.V. Kontseptualizatsiya lokalnogo v zapadnoy sotsiologii [Conceptualization of the Local in Western Sociology]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, 2014, no. 4, pp. 111-125.

2. Bon Tomas M. «Sotsialisticheskiy gorod» ili «evropeyskiy gorod»: urbanizatsiya i ruralizatsiya v Vostochnoy Evrope [“Socialist City” or “European City”: Urbanization and Ruralization in the Eastern Europe]. *Rossiyskaya istoriya*, 2009, no. 1, pp. 65-76.

3. Busygina I.M., Filippov M.G. Konkurentosposobnost rossiyskikh regionov:

khoroshie instituty ili khoroshaya geografiya? [Competitiveness of Russian Regions: Good Institutions or Good Geography?]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, 2013, no. 6, pp. 5-14.

4. Zubarevich N.V. Goroda kak tsentry modernizatsii ekonomiki i chelovecheskogo kapitala [Cities as the Centers of Modernization of Economy and Human Capital]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, 2010, no. 5, pp. 5-19.

5. Lebedev S.A. Praksiologiya nauki [Praxiology of Science]. *Voprosy filosofii*, 2012, no. 4, pp. 52-63.

6. Nefedova T.G., Pokrovskiy N.E., Treyvish A.I. Urbanizatsiya, dezurbanizatsiya i selsko-gorodskie soobshchestva v usloviyakh rosta gorizontальной mobilnosti [Urbanization, De-Urbanization and Rural-Urban Communities in the Conditions of Increasing Horizontal Mobility]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2015, no. 12, pp. 60-69.

7. Patsiorkovskiy V.V. Sotsiologiya rasseleniya kak spetsialnaya sotsiologicheskaya teoriya [Sociology of Settlement as a Special Sociological Theory]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2012, no. 4, pp. 25-34.

8. Rakitov A.I. Regulativnyy mir: znanie i obshchestvo, osnovannoe na znaniyakh [Regulatory World: Knowledge and Knowledge-Based Society]. *Voprosy filosofii*, 2005, no. 5, pp. 82-94.

9. Tikhonova N.E. Dinamika sotsiokulturnoy modernizatsii v Rossii [The Dynamics of Socio-Cultural Modernization in Russia]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika*, 2013, no. 1, pp. 24-34.

10. Tikhonova N.E. Sotsiokulturnaya modernizatsiya v Rossii: dinamika i perspektivy [Socio-Cultural Modernization in Russia: Dynamics and Prospects]. Gorshkov M.K., ed. *Rossiya reformiruyushchayasya. Vyp. 11 : Ezhegodnik* [The Reformed Russia. Iss. 11: Yearbook]. Moscow, Novyy khronograf Publ., 2012, pp. 62-81.

11. Yanitskiy O.N. Metabolicheskaya kontseptsiya современного города [Metabolic Conception of the Modern City]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika*, 2013, no. 3, pp. 16-31.

**DEURBANIZATION OF MODERN SOCIETY:
NATURE, SPECIFICS, RISKS**

Aleksandr Leonidovich Strizoe

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Department of Sociology,
Volgograd State University
strizoe@yandex.ru, socpol@volsu.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article studies deurbanization as a manifestation of contradictory nature of the urbanization process. Unlike most interpretations of deurbanization as a process, that has only quantitative characteristics (an increase in the number of migrants from city to village), the author defines deurbanization as qualitative changes in the urban environment, degradation of the institutions of urban infrastructure and urban lifestyle. The author shows manifestations and risks of deurbanization caused by environmental problems, contradictions of modernization and globalization processes. The article highlights resource, subjective and communicative factors for the emergence of deurbanization risks. The interrelation of quality of the urban environment with a model implemented in the society of social policy, with the development of civil self-organization and self-government is grounded. It is noted that the formation of economy and society based on knowledge is incompatible with the degradation of urban infrastructure of most Russian megacities.

Key words: urbanization, ruralization, deurbanization, modernization, globalization, social transformations, risks.